МОСКВА. Ц. 5 руб. (50 тысяч)

Выходит 2 раза в месяц 1-го и 15-го

МОЙ ЖУРНАЛ

Василия Каменского

№ 1

Адрес редактора Василия Каменского:
Мясницкая, 21, кв. 5.
(Прием по понедельникам от 12-3 ч. дня.)
Адрес зав. ред. С. Фрида:
Камергерский, 6, кв. 50., тел. 2-06-27.

Обложка раб.-Павла Кузнецова и Е. Бебутовой.

МОЙ ЖУРНАЛ

№. 1 **Москва.** **Февраль 1922 г.**

Если воистину мы—впереди Мира, то наше Искусство обязано быть изумляюще новым и расцветным без берегов.

СИЯЙ.

Будь с нами.
Сиять во что бы то ни стало
это лозунг сегодняшней жизни для
жизни.
Солнцевеющая бодрость до конца.
Фарабанста.
Впервые над человечеством восходит
солнце духа.

Крылья из.
Прожекторы радиоактивных глаз.
Горизонтный лоб разума.
Пространство—воля наша.
На. **Конструируй жизнь.**
Засучивай рукава.
Будь.
Существуй.
Запрягай мускулы в оглобли событий,
кати экипаж революционных затей.
К совершенству все.
Фарабанста.
В раздоль твою на великий пролом.
Размах без берегов.
Чуй. Знай. Помни.
Сегодня жизнь кумачевая — малина:
Ешь пироги бодрости и делай дело.

Мы—это мы.
Ты—это ты. Вот истинно ты, с которым я разговариваю.
Будь с нами.
А мы—это те, кто пришли в мир не
для себя, но для всех нас.
И наше назначенье—сиять во что бы
то ни стало.
Ни секунды уныния или малодушия—
к чорту,—ни шагу к пропасти безразличия или бездеятельности—
к чорту.
Все в порядке вещей.
Ни страха, ни ужаса, ни проклятий не должно быть пред гильотиной судьбинности.
Ибо знаем, что скверно живется, но
глубиннее знаем, что гениальностью
обвеяны мы и только надо найти
силы пережить циклон бедствий.
**Солнцевеющая, искренняя бодрость спасет
нас.**
Мы—победители и мы будем сиять
во имя Сегодня.
Фарабанста.

Василий Каменский.

Революционная неотцветаемая весна нашей новой жизни да здравствует навеки.

Рождение „Моего Журнала".

Еще в далекодетстве я мечтал о своем журнале.

И потом, восходя по ступеням посланных лет юности, много раз я рукописными средствами осуществлял мечту свою—мало кому близкую и понятную.

Теперь я не на шутку вырос, стал большой, умный и сообразительный.

И больше—все вокруг повернулось ко мне встречально и расцветающе, как бы желая отметить меня за неостывающую любовь к талантливой жизни.

И вот я дожил до „Моего Журнала".

До именин духа своего.

Случилось, как все великое, просто: пришел ко мне на вечер словотворчества С. Фрид, с которым мы десять лет не видались (после Петербурга—„Весны" Николая Георгиевича Шебуева, где вместе печатались), и начали друг перед другом развертывать панорамы своих биографий.

С. Фрид, со свойственным ему темпераментом петербургского испытанного американца-журналиста воскликнул:

—Пора!

—Что пора?

—Издавать журнал Василия Каменского.

—Ну, что ж, пожалуй. А кто станет читать?

—Все! Армия ваших читателей.

—Неужели я так интересен? Что вы?...

—Удивляюсь вашей скромности.

—Не удивляйтесь, я преисполнен уверенности в своей великой работе поэта, но все же я был и останусь скромным человеком.

—Пора вам развернуть себя по-океански, по-каменски, во всю ширь. Ведь вы всегда принадлежали Искусству.

—Всегда.

—Василий Каменский для армии его словотворчества—знамя. И это знамя развевается над головами величайшего юношества нашей новой революционной России.

—Да, я верю, чую. Я не принадлежу себе. Нет. Я весь в общем зареве кузницы нового мира.

—Ваш журнал поможет общей борьбе за счастье и смысл жизни.

—Согласен.

—Но мне трудно будет справиться одному.

—Я помогу. Мы поможем. Все помогут. Ибо сегодня Ваше жизнетворчество. Ваше Искусство, Ваша неисчерпаемая энергия, Ваш океанский размах затей необходимы всем.

—Согласен. Я готов. Я всегда готов на великое и чудесное дело. Солнце знает об этом: потому что, когда его нет на небе жизни—это солнце светит во мне. Я готов отдать свой свет. Пожалуйста.

? Что увлекает Вас сегодня? ?

Анкета „Моего Журнала".

Л. Б. Каменев.

Победить Л. Джорджа в Генуе.

О. Д. Каменева.

Меня все увлекает, к чему я непосредственно творчески прикасаюсь.

Василий Каменский.

Революция. Жизнь. Солнце. Любовь. Море. Стихи. Друзья. Собаки. Фрукты. Сигары. Совершенство. Авиация. Цирк. Книги.

В. В. Маяковский.

Увлекаюсь всем. В данную секунду ищу рифму к Фотиевой.

А. Я. Таиров.

— Театр.

В. И. Мчеделов.

Это моя тайна.

В. В. Тихонович.

(Завед. Тео Главполитпросвета).

Мечта расторгнуть брак по расчету—театра и НЭПО.

А. В. Неждановa.

Отвечаю б. летчику В. В. Каменскому: мой первый воздушный полет—туда: Москва — Париж — Милан — Лондон.

А. Г. Коонен.

Путешествие вокруг света.

Валерий Брюсов.

Слишком многое.

М. М. Шлуглейт.

Судьба театра. Его упорно превращают в курочку, носящую золотые яички. Как бы ни умерла курочка и мы не остались бы и без курочки и без яичек. Меня увлекает мысль—как бы это изменить.

Павел Кузнецов.

Подготовка к весенней выставке моих картин.

Николай Голованов.

Факт, что Пикассо вернулся к классической живописи Энгра.

Х. П. Славороссов.

Аэро-жизнь нашего строительства.

ПУШКИН—ЛЕРМОНТОВ, МАЯКОВСКИЙ—КАМЕНСКИЙ.

(Статья С. Фрида).

I.

„Нет двух поэтов столь существенно различных, как Пушкин и Лермонтов", так восклицает Белинский при оценке творчества того и другого.

—Пушкин на вечные времена останется маэстро всех будущих поэтов...

А Писарев объявил Пушкина ничтожным. Писарев хотел создать целое течение, „упраздняющее" поэта, но это течение никого почти не вовлекло в свои воды, несмотря на то, что взгляд Писарева несомненно отождествлял взгляд определенной части общества.

— Пушкин — поэт синтетический, поэт, у которого пафос души отражен в сфере искусства для искусства.

—Лермонтов—поэт мысли, истины и разума.

Его поэзия взволнована нравственными вопросами, бытием человеческой личности.

Стих Лермонтова есть средство для воплощения идей.

Когда Пушкин на жизненном пиру пьет из чаши пьянящую влагу и звучно возвещает красоту цветов, синь небес, преданья, сказанья, пророчества, Лермонтов стоит у вопросов, леденящих душу, поэт омрачен мировой проблемой и ищет иной гармонии для бракосочетания элементов, из которых слагается жизнь и поэзия.

Язык Пушкина—язык художника реалиста, ибо реализм суть его гения, и не-даром после Пушкина поэзия стала делом жизни, ее **общественным сознанием**. Язык Лермонтова—язык мудреца, в чьей душе, как в океане „надежд разбитых груз лежит", его язык—это **треск грома, блеск молнии, взмах меча, визг пули.**

Оба они, или, вернее их, судьбы скорее в одном: Пушкин в 1837 году, а Лермонтов на четыре года позже перестали существовать от одной и той же причины.

Один—угас за черной речкой близ комендантской дачи, другой—за городским кладбищем на взгорьи, у подошвы Машука, один—в январе, другой—в июле.

II.

Маяковский и Каменский.

Первого из них я часто встречал на улице Жуковского, кв. 42...

Вы, читатель, не знаете, в каком это городе и как расположена улица. Это обясняется плохой ориентацией вашей в предметах старины; улица эта „Маяковского тысячи лет"... И это не только утверждение самого Маяковского, а историческая справка для будущего исследователя мирового футуризма:

Это такая же важная деталь, как и корректив на 40-й странице „историко-литературного очерка Л. Майкова":

—Пушкин 19-го сентября 1851 года, то есть, до истечения срока отпуска, явился на службу.

Мне думается, что если бы Владим. Маяковский никогда не показывался толпе, если бы мы не знали, что он ростом в три сажени, что голос его подобен храпу Шаляпина, что он может показать язык всем аудиториям всего Политехнического музея и всех музеев Европы,—то он и сейчас был бы уже исторической личностью, как поэт.

Ибо, как таковой—он велик.

Стихописание до Маяковского считалось почти обязательным для каждого молодого человека, но пришел Маяковский и провозгласил:

„Долой вашу любовь, долой ваше искусство, долой ваш строй, долой вашу религию", это—в предисловии к „облаку в штанах" и стал:

„Голов людских обделывать дубы" и поэтики не перестали писать, только их писания дребезжат и по сию пору, как шипение газового рожка в ремонтном арсенале рельс...

Бух, бух, ба-бах, тара рам-там-там.

Бьет Маяковский по изогнувшимся рельсам, выравнивая их и пуская свой быстрокрылый поезд в глубокую ночь. А искры падают бриллиантовыми снопами.

—Слышите—
солнце первые лучи выдало,
еще не зная,
куда—
отработав денется
это я,—
Маяковский,
подножию пдола
нес
обезглавленного младенца
(„Война и мир").

И когда ему—Маяковскому—надоедает шарить по земле, он вздыбает рельсы и едет на небо, а там не замечает никаких надписей на вратах. Для него не существует плакатов:

— Вход воспрещается.

И не смущаясь ликом Господа, „солнце моноклем вставив в широко растопыренный глаз", он ведет беседу с ним такую:

— Послушайте, господин Бог!
Как вам не скушно
в облачный кисель
ежедневно обмакивать раздобревшие глаза?
Давайте,—знаете—
устроим карусель
на дереве изучения добра зла!

И, огромив мощью голоса надзвездный мир, Маяковский уже кружится по всей оси земного шара и вопит о том, что ядро земли прикован к его ногам.

Маяковский не эстет, не романтик, он просто рабочий в лаборатории поэзотворчества, словоизобретения...

Может быть
Наш
Труд
Великих занятий роднее
Я тоже фабрика,
А если без труб,
То, может,
Мне
Без труб труднее?

Но это—не жалоба, это просто информация.

Мироощущения Маяковского вне влияния футуристов Маринетти, Карра, Арденго Соффичи, Лачербы и др. Маяковский мир воспринимает по-своему, снисходительно, мол.—

—Существует, ничего не поделаешь. Подожду еще немного, а потом раскрашу вдребезги все, к чорту.

— И новый мир построю.

А в этом новом мире будут новые люди, которые будут знать и помнить цитаты Маяковского, как строки из Лермонтовской „Мцыри".

„Немного лет, тому назад,
Там, где сливаяся шумят,
Обнявшись, будто две сестры
Струи Арагвы и Куры"...

Или как:

„Цыгане шумною толпою"...

У Маяковского хватит терпения выждать, ибо он своими предчувствиями не мистифицирован, он верит в свое грядущее, которое сам себе уготовил, и в это грядущее начинают верить даже враги Маяковского.

Василий Каменский!

И снова я должен начать à tempo.

— Нет двух поэтов, столь существенно различных, как Маяковский и Василий Каменский.

Приветствие Наркома А. В. Луначарского

„МОЕМУ ЖУРНАЛУ".

С удовольствием буду участвовать. Сочту за честь.

Луначарский.

Василий Каменский не знает будней, у него свой замечательный календарь, где все странички отштампованы красным.

Его понедельники.
Вторники,
Среды,
Четверги,
Пятницы и
Субботы
Все—Воскресения!

Со звоном колоколов, с праздничными нарядами, с хороводами, с суетой на карусели или в цирке, с бойкой торговлей и гамом ярмарки.

Весь мир—для Каменского футбольный мяч.

Осеребренный, начиненный бубенцами, и Каменский швыряет его до самого солнца, купает его в облаках, и если шар застревает на небе, то Каменский не омрачается.

Он летчик и, снарядив свою птицу, несется высоко, высоко, чтобы собственными глазами узреть отраженье небес в земном.

Каменский обладатель несметных богатств, и когда он ходит по своим садам, то колдовством словозвучий ласкает цветы, любовным экстазом зажигает сердца белокурых ландышей и звенит, звенит своими стихами в ответ на их ароматные зовы.

Виртуозность формы стиха Каменского совершенно исключительна, он ощущает каждое слово каждой строки и нащупывает их щупальцами души, а распоряжается ими, как король своими подданными.

И когда на-днях я видел в частном доме сеанс гипноза проф. П. Н. Каптерева, то сидел и думал над той тайной, которой владеет великий гипнотизер нашего времени—Василий Каменский.

Трезвая дерзость Каменского обручена с гармонией и вкусом, его пассы, при гипнозе словами очень убедительны и искренни, его лучезвучия ясны, как капельки росы на солнце.

Нет, Василий Каменский, не фабрика Маяковского, и то, что он „без труб", не вызывает никаких затруднений на его Парнасе.

Вот, будь он без мирообъемлющей идеи чувства красоты, все листики календаря его перепутались бы, и красные жилки цифр наструились бы черным фаршем будней.

А он спортсментирует своим счастьем молодости необычайно смело, как будто парикмахер никогда не огорчит его найденным осеребренным волосом.

Поэзия Каменского—не мятежная поэзия, он к Богу не пойдет и к чорту не полезет, а вот на ярмарку жизни - извольте, прийдет с гениальным лозунгом:

Сиять во что бы то ни стало!

С. Фрид.

Что увлекает Вас сегодня?

А. П. Петровский.

— Реорганизация форм сценического творчества.

Г. Б. Якулов.

Завоевание „Питореска" или „Экцентрический театр".

А. И. Южин.

То, что всю жизнь - свобода.

А. А. Санин.

— Живу, бьюсь и жду перемены, когда буду иметь настоящую физическую и нравственную возможность для творческой работы.

Время выдвинуло ослепительные задачи художественно - просветительного характера. Они бездонны и их надо не медля воплощать, а то жизни не хватит.

А. В. Лентулов.

И сегодня, и всегда меня увлекает мысль об искусстве. Последняя мысль: достижение в искусстве наступает тогда, когда художник начинает видеть природу и ощущать ее.

В. И. Пикулин.

Сегодня, как и всегда меня увлекала, увлекает и будет увлекать жизнь и только жизнь.

Все остальное лишь ее составные части и, как таковые, менялись и будут беспрерывно меняться. Жизнь, как солнце, и прекратится, потухнет вместе с ним.

Спутниками жизни признаю красоту и любовь.

Этому поклонялся и буду поклоняться до последнего вздоха моего.

П. М. Черетели.

Мое вечное,—то, что прекрасно.

В. Г. Сахновский.

Моя постановка „Грозы".

ВХУТЕМАСЦЫ!

Эй, вы, расчудесное буйное племя живописи красных полян современности, знайте, чуйте:

Я вас отчаянно люблю за вашу психологическую взвейность мятущихся душ и сердец,—за ваше сплошное землетрясение неналаженности, неустроенности, неорганизованности, неопределенности.

Вы, неостывающе молоды—вы всегда взбунтованы—всегда орете, кричите, бегаете, горите—и это великолепно.

Празднично—до без берегов.
К чорту—берега.

Вы—сван новой основы мира и вам ли не следует яро волноваться во все колокола московской интуиции—ххабба—хач—хабараба.

Чтобы утвердить свою раздольность.

И пока вы—цветнокожие вхутемасцы—держите солнце за рога и поворачивайте морду солнечной энергии в свою кумачовую сторону—вы на верном пути.

„Кто там шагает—правый?
— Левый, левый, левый".

Так командует Маяковский вам, орлятам из гнезда, откуда он вылетел сам.

Так я—друг ваш испытанный, штурман дальнего плаванья, завещаю вам строить воистину **Новый мир—наш мир, левый мир**, чтобы до конца пронзить свою жизнь концом гениальной современности.

Будьте в ритме времени.
Будьте с нами.
Мы—это вы.
Чуйте дело.

Василий Каменский.

ЦУВАММА.

Провозвестница птица
Полярной Цуваммы
Встречальной страны
Приливающих дней—
Из Ковчега Грядущего
Посланы к вам мы—
Мы—кому жизнь горизонтов
Видней,
Мы—поэты любимой Цуваммы
Цамайра—Цамайра.
Цамм—цама
Цамм—цама.

В крыловейной стране
Солнцеутренних песен,
На единственном острове
Среди синих морей,
Наш таинственный взлет
До чудес поднебесен,
До карнавальности звезд—янтарей.
Мы поэты астральной
Полярной Цуваммы,
Дети острова Радостей,
Избавители Злого
Принесли:
Вольнотворческий Дух мудрецам мы
Верные рыцари слова—
Путешественники из Цуваммы.
Цамайра—цамайра
Цамм—цама
Цамм—цама.

В пламени подвигов,
Обвеянные венчально
Поэты страны Океанской Раздоли
Грустинно поем мы—
Перезвучально,
Изнывая в железной неволе.
А неволя железная—
Земная привязанность,
Суета ослепленная мелких страстей
И не чует никто,
Что святая обязанность
Истины слушать из Цуваммы гостей.

Мы прилетели разгадывать тайны,
Создавая вершить
Красоту и людей,
Яркоцветные крылья у нас
Не случайны,
Крылья легенды—судьбы лебедей.

И всех призываем
Зажить мудротворчески,
Как-будто живем
Неизменные там мы,
Где верят светло,
Вдохновляя пророчески
Умы и сердца гениальной Цуваммы.
Цамайра—Цамайра
Цамм—цама
Цамм—цама.

Цувамма—Раи
Жбра мау Айя.
Заря полярная Зоррай—
Цамайра цамм цама Тамайя.
Цвети сиянием Галайя,
Чурай слиянием, чурай.
Цамайра дайра
Мадайра марра
Остров поэтов
Цувамма май.
Марш Табатайра,
Жбра мау Зайра
Цамайра внимай.

Лейся симфония—радуга лестница
Выше значение слов окрыли.
О, песнепьянствуй,
Весна провозвестница
Поэтами нагруженные корабли.
Золотороссыпью,
Мировенчальностью.
Наполняя сердца утрозарным вином,
Горите звучально
Венчально встречальностью
Гимн распевая
О царстве ином.

Цувамма—Цувамма,
Созвездий флотилия,
Это в тебе нашла вихри мерцаний,
Цувамма полярная,
Любимая лилия,
Лоно величественных созерцаний.
Остров рубинных расцветов
Где Дух—Властелин
Страна солнцетканных поэтов
Бирюзово далей долин.
Цамайра—цамайра
Цамм—цама
Цамм—цама.

Так песня за песней,
Гимн за легендой,
День за назначенным днем,
Сгорает судьба
Алошелковой лентой
Цувамским, чаруйным огнем.
Если вся жизнь
Перелет и горение,
Надо с поэтами утром расти.
Только поэты,
Чьи вечны творения,
Знают великие мудрости.
Ввысь от земли
В небеса увлечения
К горизонтам бессмертия
И божества,
К полярности Духа
Моресвечения
Во славу Человеческого Торжества

Девушки, Юноши,
Из любимой Цуваммы
На крыльях поэм
Семицветных зарниц,
Волей сверхвольности
Посланы к вам мы,
Из страны возникающих
Солнц колесниц,
Из страны откровений Цуваммы.
Девушки. Юноши.
Молодость—Индра
Жбра мау Галайя
Паруса в беспредель.
Цамайра Рабиндра
Цувамма Тамайя.
Карусель. Карусель. Карусель.
Эй, открыватели,
Рыцари Тигра,
Межпланетные струи,
Живоносный исток
Я в своих словотворческих играх
Над вселенной вспеваю Восток:
Ай, гора Джарам Чаррамэ,
Коюн, Чобан Шардамэ,
Ашайри Мзэ заримэ,
Черибан заримэ.
Салям зюля сайлям.
На Востоке Джарам
Гора—Колыбель:
Там рождается Солнце
И утренне-струйное,
Совершая полет в беспредель,
Всем приносит нам
Счастье чаруйное.
Поэты и Солнце,
Красота и Джарам—
Это дух из полярной Цуваммы,
Только этим священным дарам
Петь легенды
Ниспосланы к вам мы.
Вольность и Молодость.
Чудо воскресни,
И оживи жизнедатную грудь
В долинах Цуваммы
Неисчерпаны песни
И цветет неизбывно
Весна—изумрудь.
Цамайра, Цамайра
Дорогая Цамайра
Я снова провижу твой зов
Из планет.
Цамайра, Цамайра
Рабиндра Цамайра.
Снова вернусь я в Цувамму
Поэт.
Путь мой крылатый,
Молниевзорный,
Ворота—царственный простор,
Дух мой высокий,
Дух чудотворный,
Вселенноокий в веках престол.
И я готов.
Вот с неба Лестница
И слышно дружеское пение:
Цуваммы птица провозвестница
Я знаю истинные ступени.
А здесь мне тесно,
Несносно больно
И я в отчаянной прощальности
Вам оставляю жить раздольно
Для солнцевеющей Венчальности.
Туда. Туда.
Жбра мау харра.
На остров Индра
Цувамма май.
Цувамма дайра
Сияй Рабиндра.
Восток Джарам
Мой гимн внимай:
Ай, гора Джарам Чаррамэ.
Коюн, Чобан Шардамэ.
Амайри Мзэ заримэ,
Черибан заримэ.
Салям зюля салям.
Цамайра—Цамайра,
Цамм—цама
Цамм—цама.

Василий Каменский.

Трагикомедия в 4 актах

Василия Каменского,

„ЗДЕСЬ СЛАВЯТ РАЗУМ"

в этот момент **готовится** для глаз зрителей в театре б. КОРШ. „Мой журнал" приветствует столь неожиданную для всех театральную революцию.

Пьесу ставит **В. И. Мчеделов.**

Помните о голодных!

(У Ольги Давидовны Каменевой.)

—Проведите меня, пожалуйста, в кабинет тов. Каменевой, обратился я к одному из канцеляристов „Комгола", в Кремле, в комнате 54.

—У Каменевой здесь нет кабинета.

—А где?

—Нигде, последовал лаконический ответ.

—Каменева—без кабинета!

Министр—без портфеля!

Скоро я увидел Ольгу Давидовну с кипой бумаг в руке, она переходила от одной барышни-машинистки к другой, от одного посетителя к следующему.

Девиз Каменевой в деловой беседе—лаконизм, сжатость.

—Цифры, цифры, товарищ, бросает она прибывшему из голодной губернии делегату.

—Ваш поезд отправляется сегодня, извещает она студента-свердловца т. Поля, уезжающего в одну из голодающих губерний.

И все это налету, мимоходом, подписывая бумаги, хлопоча о том, чтобы сотруднице Х-ой была выдана карточка на обед...

Я обдумываю свою атаку на Ольгу Давидовну, но четыре товарища, из которых один широкоплечий инженер, ростом с Маяковского в Кубе,—заслоняют ее от меня наступающего и справа, и слева.

Наконец, мы вдвоем на жесткой скамейке у дверей.

—Ольга Давидовна—к телефону, кричит мой злейший враг, чьего имени я не знаю.

Но—поздно...

Ольга Давидовна рассказывает о голодающих.

—Количество голодающих, если не считать Украйны, которая самоснабжается, если не считать неблагополучных губерний и уездов, а учесть Волгу—то абсолютно голодающих насчитывается до 13 миллионов.

Помощь, оказываемая голодающим значительна, но далеко не удовлетворяет подлинным потребностям несчастных.

„Ара" является—одной из крупнейших организаций, помогающая нам в тяжелом горе.

„Ара" прокармливает ежедневно около одного миллиона двухсот тысяч детей в день, части из которых продовольствие выдается сухим пайком.

Плановое стремление в общей сложности довести количество питаемых „Арой" детей до двух миллионов в день.

Особое внимание обращено мною на переброску детей из голодных губерний, а результаты переброски —таковы:

С 1-го ноября по 1-ое февраля вывезено 61.655 детей из 238.650 голодающих ребят. И если на долю Сибири довелось 5245 душ, Украйны—6.800 детей, то Орлянская губерния, сама почти голодная, приняла 1.863 детей и другие губернии, мало обеспеченные продовольственно, поступили так же героически.

Необходимо всем без исключения развить максимальную инициативу в деле помощи голодающим.

По линии профессиональной.

—Необходимо, чтобы отдельная профессиональная организация просто приняла на иждивение и опекала группу голодных, при чем—на расстоянии, содержанием там на местах вспомогательных домов помощи.

Это могут и обязаны сделать и артисты, и писатели, словом вся интеллигенция, та интеллигенция, которая раньше откликалась и приходила на помощь родине в тяжелую минуту.

По линии трудовой—необходимо остановить свое внимание на утилизацию всего в обиходе, что только подается учету. Из пары старых рукавов пальто можно сделать валенки для замученного холодом голодного ребенка.

Необходимо каждому пересмотреть свою кухню и добровольно отделить для голодающих то, что важно и полезно в борьбе с этим злом.

Молодежь должна будировать своих матерей, отцов, напоминать, заставлять каждодневно заботиться об умирающих в Поволжьи людях.

Я бы рекомендовала каждому сделать надпись над кроватью своей и пред сном себя проверить в напоминании с плаката:

—Что мы сделал сегодня для голодных?

* * *

О. Д. Каменева, окруженная многочисленными посетителями, вынуждена прервать свою беседу.

8-го февраля О. Д. Каменева выехала в Берлин на 5 недель.

С. Фрид.

Что ты сделал сегодня для голодных?

Восприятие слова.

Известно, что Брока открыл (в коре большого мозга) двигательный словесный центр.

Впоследствии Вернике открыл (в верхней левой височной извилине) второй чувствительный словесный центр.

В этих центрах организуется словесное представление (иные исследователи эту организацию слова не связывают с определенными местами мозга).

Кусмауль, же—яркий знаток этой области,—изучивший различные болезненные состояния центров речи—собранных под общим названием **Афазии**—дает все основания предполагать, что **стан читателей сплошь страдает афазией и поэтому не в силах воспринять высшее мастерство слова.**

Всегда я говорил, что Б. поэт в чем-то сознательно ошибается—и хотел этим намекнуть на огромную долину общего непонимания, лежащую меж двух гор: поэтом и читающей публикой.

Поэт — мастер — строитель высшей организации Слова, Мысли, Речи, Формы.

Он создает книгу, насыщенную яркими образами, ритмической стройностью фраз, волей ясного разума, любовной чувствительностью к завершению творчества, непрестанной взрывностью словесного трепета.

Книгой Поэт являет законченную Волю своего дарования словесного мастерства—только частично использовавшего крайне ограниченную возможность передать свою многогранную гениальность.

Ведь Дух, Огонь, Чувства, Размах, Глаза, Горизонты, Крылья, Сочность, Аромат—остаются с Поэтом жить, вечно изменяясь во Времени, вечно расцветая.

Это—Эльбрус Поэта.

А читатели — это Экскурсанты (Москвича или Горного клуба), едущие на линейках из Кисловодска на гору Бермамыт встречать перед Эльбрусом восход солнца.

Кто эти читатели — случайные экскурсанты, всегда гости, которых надо забавлять, ротозеи любопытствующие, скучающие, одинокие, заброшенные, больные и чудаки.

Еще влюбленные, знакомые, друзья (редко родственники), врачи, арестанты и—вот главное и единственное—чудаки.

Всем этим читателям можно было дело случайности — по существу и не ездить на Бермамыт, а только, пожалуй, достаточно знать о существовании Эльбруса...

Поэт, сознательно ошибаясь (пример: выпуская книгу), знает о долине разобщенья с читателями и глубинно скорбит о своей одинокой судьбе недошедшего до сердца читателей Пророка.

И это потому, что читатели—как **случайные гости книги**—лишены способности точно воспринимать смысл и назначение книги, как истины.

Понятно и просто; **читатели словесно не развиты** или, вернее, не организованы для восприятия образа—мысли, всегда рассеяны, хаотичны, заняты совсем другим; масса разных дел; книга же между прочим.

Книга читается урывками, скоро, поверхностно, по-дачному.

Психология читателя в перерывах - резко меняется, перекрашивается.

Словесные центры перемещаются.

Поэт превращает слово — в вино, а читатель пьет воду.

Читатель не впитает сущность книги, не пойдет за поэтом—о, нет.

Если **слово для поэта—самоцель**, самоценность, а **мысль—движенье**, полет.

То для читателя то и другое **средство**, продукт и что-то мало понятное.

Специалистов-читателей ведь нет—значит нет здоровых, развитых, организованных воспринимателей слова.

Все читатели страдают афазией во всех стадиях по Кусмаулю и особенно—парафазией, при которой сцепление представлений со словесными образами настолько извращается, что вместо логически-красивых сочетаний слов получаются ложные, совершенно искажающие смысл творчества.

Одна из распространенных стадий среди читателей—это **словесная слепота**.

Страдающие ею прекрасно (особенно критики) видят глазами напечатанные слова, но не в состоянии понимать их и группировать в сознании.

Платен утверждает, что для совершения восприятия словесных форм—условностей **нужна энергичная работа воспитанья** (дело культуры), что человек быстрее всего усвоивает речь мимики и жестов: потому, эта речь является природною речью глухонемых и идиотов.

Во всяком случае—если книга читается чудаками или друзьями, или любимцами, эти читатели, пронзенные лучами интуиции, принимают поэта целиком индивидуально, но и они далеки от истинного неба книги.

И тут—долина, и тут не то.

Значит есть роковая ошибка, трагедия.

Книга,—как ее читают и понимают читатели—для поэта — смерть, ничто, проклятие.

Или надо перестать писать книги словесного мастерства, или надо читателям лечиться от афазии.

Что лучше?

Большой вопрос...

Василий Каменский.

Что увлекает Вас сегодня?

А. Д. Кошевский.
— „НЭП“—Новая оперетта.

О. П. Фрелих.
— Наше „сегодня“ слишком похоже на „позавчера“. Жду „завтра“.

А. Цукерман.
(Заведующий Бюро Приработок при управлении М. С. Р. Д.)
1. Победа железнодорожников в Германии в предъявленной забастовке.
2. Победа Революции.
3. Скорейшая помощь голодающим.

Л. Т. Вишневский.
(Артист Моск. Худож. театра).
— Что увлекает меня сегодня? Меня волнует, увлекает, до слез проняет выступление Марии Николаевны Ермоловой в спектакле 6 февраля на подмостках нашего Художественного театра, где мы будем играть вместе.

Проф. П. С. Коган.
Последняя Пьеса.

Проф. П. П. Кампегев.
Часто научная работа по истории естествознания XVII и XVIII века, в связи с развитием эволюционных идей, преимущественно во Франции XVIII века, а также о влиянии естествознания XVIII века на философию природы Шеллинга.

В. Менделеев.
Я хочу, чтобы сегодня публика, слушая веселую некрасову, забыла о невзгодах нашей нелегкой жизни.

Н. Н. Евреинов

о Василье Каменском.

Василий Каменский!

Я не знаю другого поэта, от которого так разило бы юностью с ее улыбками, прыжками, непосредственным подходам к труднейшим проблемам жизни, бесшабашностью голубоглазием веры и песнями, песнями, песнями!

У него настоящая магия преображенья Времени! И, как автор Театра юности, он вызывает во мне восторг, преисполненный удивления.

Быть Василием Каменским—это значит быть вечно

18-летним

Это значит быть мудрецом, разгадавшим непосильную для смертных загадку.

Я не знаю ни одной строки в стихах Каменского, где бы слышался тлетворный запах Старости, стук руки ее отсчитывающей, часы минуты, секунды...

Он вечно юн! И потому он вечно дерзок, весел, пьян, не жмурится от ярких лучей солнца, и не затыкает себе уши от гомона житейского базара.

Его поэзия—райская поэзия в классическом смысле Элизиуме, где вечно зеленые деревья, вечно звучат по-весеннему ручейки и речки, вечно юны небожители.

Быть вечно юным—удел богов!

Этот удел разделяет и Каменский, настоящий *поэт жизни, театрализирующий время в эпоху вечной весны*.

Василий Каменский высится над временем, как человек над послушной его воле собакой.

„Будет время, когда времени больше не будет".

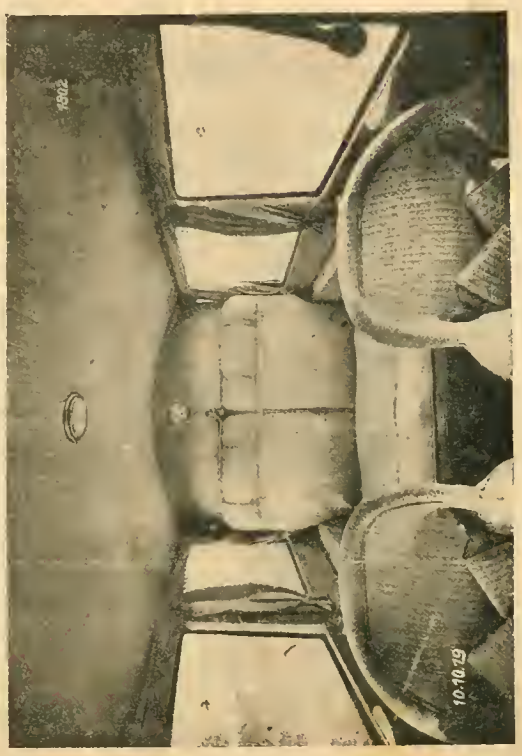
—Говорится так в Апокалипсисе.

Мне не страшно то предсказание, когда я думаю о Василие Каменском.

Слава Гению, ставящему волю свою выше природы и в тридцать шесть лет по праву восклицающему:

„Лейся моя кумачовая молодость—
Я не знаю никаких берегов".

Н. Евреинов.



Комфорт воздушного сообщения.

Внутренность пассажирской кабины самолета **Юнкерс.**

Примечание В. Каменского.

После такой воспаленной статьи Николя Николаевича казалось бы я должен действительно чувствовать себя нагруженным сознанием своей неотразимости и ходить мутно, как опоенная лошадь.

Но я не таков. Да-с. Не таковский. И если Н. Н. Евреинов возносит меня, то я умею радоваться за **Искусство Единого Жизнетворчества** на общее благо.

Ибо весь я отдан Искусству и поэтом **обязан быть** без берегов удивляющим, затейным, кумачовым, юным, зажигающим, революционным.

Я такой и есть, таким родился, таким расцветаю дальше, лезу выше, вираюсь глубже, размахиваюсь шире. Иншна, возьми.

А что выйдет дальше—посмотрим—мне самому очень интересно.

В. К.

Поэт Великого Пролома.

(Статья Бориса Корнеева).

1.

Он всегда был одержим крайностями.

Светлая утровеющая голова, взвихренная тысячами стремительных фантазий.

То он—Стенька Разин, жгущий костры в жигулевских горах на волжской дороге—или вдруг—храбрый путешественник Майн-Рида в тропической Мексике, то он тихий рыболов на Каме, живущий в избушке, или знаменитый Поэт, чьи стихи в книгах и так опьяняют красоток, что кружится сердце от счастья праздничных слов.

Тайком он, Вася Каменский—неустанный затейник и изобретатель всяческих замыслов в детстве.

„Кем быть“: обычный вопрос, который задает себе каждый гениальный ребенок.

(В детстве мы все почти гениальны).

И Вася придумывает:

„Буду еще и Робинзоном-Крузо, и Дон-Кихотом, и Лесным, и Капитаном Корабля, и Жар-Птицей, и Индейцем, и Бродягой, а главное, останусь сияющим поэтом навсегда“.

„Быть всем, пройти все пути лучшей жизни, все пережить, всех понять, полюбить, и стать навеки поэтом“ вот клятвенный ответ, который он дал самому себе, людям, земле, небу, солнцу, птицам и траве.

И ему, мечтателю и фантазеру, конечно, уже противны эти школьные стены, убивающие все радужные мечты, и чрезмерные возможности, где „даже в перемену нельзя дурить, а на уроках будто нарочно спрашивают такое, что не знаешь и ставят двойки с минусом, ученики ябедничают, учителя злые—все в очки видят, нападают, рычат“.

И только весною начинается жизнь, когда ушел Вася в школу, а очутился плавающим на льдинах, бегающим по берегу и пристани...

„Школа—черт бы ее побрал“!

„Главное—сохранить детское сердце“.

„Так будет ярче мудрость и отчаяннее воля“!

2.

Взрослые редко понимают детей и калечили гениальные души.

Совсем не таков дядя Ваня, он удивительный человек: лесной, птичий, рыбацкий, уютный, жизнерадостный, он—Робинзон-Крузо, у которого:

„Домик серенький
На Монастырской, 50.
Там, за воротами—ребята.
Над крышей—голуби висят.
У бани
В ограде, дядя Ваня
Кормит кур и гусят“.

Только у дяди Вани хватило столько чуткости и доброты, что он стал брать с собою на ночную рыбную ловлю Васю и рассказывать где-нибудь на берегу, за чаепитием, всякие невероятные приключения, играя остроумием и жизнерадостностью.

Вот это—жизнь, жизнь—достойная сильных!

И пошел к кораблям и морю, пошел на великий пролом, очарованный миром—невестой, навстречу пестрой судьбе, песнебоец и рыцарь земли—Василий Каменский.

3.

Сотни приключений на пути к творческим радостям. Революция 1905 г. Тюрьма. Поездка в Турцию. Встречи в литературных кружках и редакциях Москвы и Петербурга, полеты на аэропланах, в Варшаве, деревенские затеи, карнавальные шествия футуризма (Каменский, Маяковский, Бурлюк) по взволнованным городам, анекдотические происшествия, лекции и красочные гастроли—всего не пересказать, не пересчитать всех пристаней и челей того океана скитаний, где носился в божественной беспечности корабль молодости безудержного в радужных достижениях поэта.

И где бы ни очутился Каменский: у закопченого—ли рыбацкого чугунка, или в весенней аллее с городскою девушкой-ланью, он всюду поет, он все приемлет, все с благодарностью.

„Будет—что сбудется.
Земное забудется,
Если на радугах
Будут раскинуты
Палатки из девичьих кож
для нас—
Пролетариков“.

Вот он в тумане стремительных чудес предлагает:

— Хотите,
Я возьму Вас пассажиркой?
Ровно в 6 часов.
Взбурлит электричество.
И полетим
Над городом вечерним“.

Это—экстаз поэта, плененного городом, его электрическими чудесами, кружевным пороком и неизбежностью светлого греха. Послушайте его:

„Гуляя патреке в аллеях у стрелки
Нечаянно встретил я
Девушку лань,
С глазами пугливыми будто у белки
И девушка стала святая желань“.

И сколько их, нежных ланей, воспел своим солнечным сердцем поэт, как звездные брызги вечности, как те цветы, которые по лирическому выражению Чехова, украшают грустные поляны нашего одиночества.

4.

Но город мигом надоел поэту, душа просит раздолья, от лани городской он стремится к лани степной и

„Утром (пока все спят)“,
Говорит он
„Сложу футурные стихи
В мешок крупчаточный,
Взвалю на горб,
И с посохом
Уйду на словомолье.
Дорогой буду петь легенды,
И просто одиночествовать“.
А вот его короткая молитва:
„Земля,
Меня помилуй и прости,
Я летал
На аэроплане.
Теперь в кацавье
Хочу крапивой
Расти.

И вчера еще прославлявший цирк, певший девушку лань, электричество и варьете, сегодня, как бы спохватившись, ушедши в широкие ветви сосен, Каменский упрекает тех, кто растерял на пыльных панелях улиц радостную мечту об Утреннем Озере и несется его молодецкий свист и четыре пальца по ухам и лесам, от которого ужас объемлет лесных обитателей и стынет кровь у проходящего по лесной дороге.

Влюбленно—грустинный он вдруг стал неузнаваем, он почувствовал стихию воли и беспредельность дикой радости, опьяненный вольным раздольем он пошел на Великий пролом.

5.

— Сарынь на Кичку!— несется старый разбойный клич из его легко вздохнувшей груди.

Сам Стенька Разин оживает в нем из глубины лет.

И не остановить теперь вырвавшегося из оков города поэта.

„...Я от людей уйду рыбачить.
И где-нибудь в шатре на Каме
Я буду сам варить картошку,
И засыпая с рыбаками
Вертеть махорочную ножку".

И воспевши Стеньку Разина, гениально воспевши его скитальческую душу, его Великий Пролом во имя Освобождения Воли и Духа Народного, Василий Каменский понял, что никакое хлебное место, никакие столбы с перекладинами не страшны океанским порывам.

Он сам—поэтный Стенька Разин,—вечный искатель и звонарь молодости верит в молодецкое чудо своей песни, верит в великие возможности, грядущих через Пролом бесшабашных затейников новой жизни.

„Какое раздолие сердцу печаянно.
Чудесные встретить напоры.
Революцию славьте раскатно, отчаянно
Пускай удивляются горы".

Борис Корнеев.

Что будет в Москве.

— **„Странствующий энтузиаст".** Театр подвал. Во главе: Борис Пронин, И. Н. Певцов, В. Р. Рапопорт, Г. Б. Якулов. Скоро открытие.

— Кафэ **„Риваль"** (Тверская, угол б. Гнездник.) Театрализируется по плану В. Г. Зак и В. Каменского пойдет „Роман в кафэ".

— **„Власть комедиантов"**, либретто Василия Каменского. Экзотический балет готовится в выс. Хореограф. курсах (Б. Дмитровка, 9). Музыка Саца.

„МАРИЙ".

Пьеса Ю. Зорича.

Автором помещенного в 1912 г. в „Русской Мысли" нашумевшей повести—„Рядовой Симашко"—Ю. Зоровичем, написана пьеса в которой воспроизводится древний Рим, эпоха борьбы патриция Суллы и вождя преторианцев Мария.

Интересная по замыслу и сценичности пьеса выходит в конце февраля отдельным изданием. Иллюстрационная часть поручена художнику С. П. Грузенбергу, известному своими интересными работами по Петербургской выставке „Мира Искусств" в 1912 г.

С. Грузенберг удостоен первой премии на конкурсе В. Ц. С. П. С. за изготовленную эмблему для Профсоюзов.

— **„Ставка на бессмертие"** (роман в стихах, 23 главы) **Василия Каменского**, будет печататься в журнале „Возрождение", издательство „Время". Журнал скоро выйдет. Там же будет печататься найденный (до сих пор неизвестный) роман Джека Лондона.

— **Маяковский и О. Брик.** Готовят к печати новый журнал.

— **Давид Бурлюк**, проживающий в Иокогаме, скоро приезжает в Москву с грандиозным материалом новых картин, книг, коллекций японских рисовальщиков.

— **Велимир Хлебников и Алексей Крученых**, выпускают ряд новых вещей—книг (с украшениями работы Крученых).

Выставка картин Павла Кузнецова и Елены Бебутовой.

Апрельская весна обещает быть изумительно живописной: в Москве откроется выставка первоклассного европейского мастера—Павла Кузнецова и талантливой Елены Бебутовой, чье восходящее имя да будет сияющим откровением.

Достойно памяти, что Елена Бебутова выставит большую картину, написанную к поэме „Цувамма" В. Каменского.

ТЕАТРАЛИЗАЦИЯ КАФЕ.

Единственный шаг, который может нас спасти от опошляющей кафэизации театра—это

Театрализация кафе.

Я полагаю—и в этом меня поддержал В. В. Каменский, что если публика требует легкомыслия и пошлости и убегает в кафе, то мы ее должны очистить там и заставить осерьезиться.

Если публика почти не выдерживает актов пьесы и мы не в состоянии ее удержать в театре, то мы должны хотя бы без единого акта—из-за угла заставить ее воспринять подлинное художество.

Не надо никакой сцены, ни кулисы, ни занавеса.

Весь зал—наша сцена.

Сидели же в театре Вилльяма Шекспира зрители на сцене и никому не мешали—так и там не помешают люди за столиками.

Нам не надо аксессуаров—только то что есть под рукой; нам не надо помостов—у нас есть столы и стулья.

На ничего не ожидающую публику тем сильнее подействует наша игра.

Вот к чему мы идем в погоне за современностью—поймать ее и заставить себя слушать.

Не надо бояться уронить свое достоинство, декламируя со столика dem reinem ist rein—чистому—все чисто.

И с чистой мыслью об искусстве мы создаем чистое искусство.

Виталий Зак.

Что такое буква?

Ю. Буква есть идеально-конкретный символ зачатия мира (слова)—мускул летающего крыла (слова)—взломанный блеск молний (начертание), вызывающий гром (слово) начало источника бьющего из подгоры, чтобы в стремительном слиянии с другими истоками образовать журчей или речку (слово) во славу движенья реки (мысли) до океана словотворчества.

Буква—взрыв, Слово—стая взрывов.

У каждой Буквы—своя судьба, своя песня, своя жизнь, свой цвет, свой характер, свой путь, свой запах, свое сердце, свое назначение.

Буква—это совершенно отдельная планета вселенной (слова—понятия).

Буква имеет свой рисунок,—звук,—полет,—дух, свою твердость, свое вращенье.

Рожденное Слово—божественное бракосочетанье нескольких пар или троек Букв. Гласная жена. Согласная—муж. Согласные—корни букв, отцы. *Гласные—движенья*, рост, материнство; натянутый лук охотника—согласная, а спущенная стрела—гласная.

Каждая Буква—строго индивидуальный мир, *символическая концентрация* которого дает нам точное определенье внутренней и внешней сущности. Образец—**Ю.**

Ю.
Юночка
Юная
Юно
Юнится
Юнами юность
В июне юня.
Ю—крыловейная лейная.
Ю—розоутрая рая.
Ю—невеста Ста Песен.
Ю—жена дня.
Ю и Я.

Если встретится Ю в тысячах слов и на каких угодно языках—*Ю всегда принесет слову женственность, звучальность розоутренность, гибкость, возбужденье.*

Буква К дает слову твердо-холодно-острую материальность: корень, клинок, камень, кирка, кость, сук, ковка, кол, кистень.

Буква М—зов животных: мм-у—корова, ммэовца, мяу—кошка, ма-ма зов ребенка, моя, мы, молитва, милая, приманка-ощущенье тепла жизни.

Буква О—колесо, простор, воздух, небо, высоко.

Буква Н—мистичность: некто, неведомый, ночь, начало, канун,—отрицанье: нет, не, никогда, немой,

Слово Окно=о+к+н+о=значит: простор + материя (стекло и дерево)+граница ночи+воздух=окно.

Буква Б—божественно-стихийное начало: бог, бытие, библия, бык (священный), будущее, буря, бедствие.

Е—день, свет, селенье, дерево, ель.

Л—арка, радуга, мать, ау.

Р—кровь, труд, гром, раскат, удар.

И—связь, прибавленье, вода: нить, лить, нитка, вино.

Слово небо=н+е+б+о=значит: неведомость+свет+божественность+воздух=небо.

Василий Каменский.

Письмо в Пермь.

(Юноше Вите Пьянкову).

Витя, ты прислал мне впервые (до сих пор кумачовая бодрость хранила тебя) очень первное до острой боли, очень грустинное письмо о том, что ты слишком современен, чтобы жить первобытностью каменного века и борьбе за существование отдавать расцветающие силы свои. Понимаю. Чую. Верю. Что делать?

И мне, и всем, и тебе трудно живется. Все бьемся за право остаться в живых. Такое время. Но разве жалобы и оскаленные зубы помогут. Нет, Витя. Нам помогут только силы нашего Духа,—Энергия Мысли,—Крылья Бодрости,—сознание талантливости,—Любовь к жизни и философское отношение к смерти.

Шторм—не каждый день—переждем. Ничего. Пустяки. На то мы—в океане изумительных событий. Крепи. Вяжи. Чуй дело. Продолжай свою юность—будь с нами, кто—за всех. Живи и баста. Жизнь любит тех, кто ее любит. Запомни эти спасительные мои слова, если ты продолжаешь считать меня учителем жизнетворчества. Не поддавайся влиянию слабых,—к чорту,—тебе ли, талантливому ученику—другу моему—быть на стороне злобствующих во имя бессилия. Брось. Я требую, ибо я провижу. Ты знаешь вершину лба моего и будь спокоен. Брось нервничать. Не дело это—достойное нас. Шторм—не каждый день. Переждем. Главное—скоро весна, солнечная беспредель, птицы, пароходы, зелень, цветы, лес, охота, стихи. Ну, что нам еще? Если не хватает тебе юности—возьми у меня взаймы,—после отдашь. Я тебе верю.

Целую. Твой дядя Вася.

Все открывают магазины и бойко торгуют. Ну, и я решил перейти к новой эконом. политике.

МАГАЗИН
Василия Каменского

Принимаю заказы на стихи и речи по случаю именин, крестин, юбилеев, похорон, свадеб, семейных, коммерческих и общественных торжеств.

Исполнение точное и аккуратное. **Цены умеренные** (как всюду), **(продуктам—предпочтение)**.

ГОТОВ выступать на концертах со стихами. Читаю уверенно, музыкально, и, по отзывам спортсменов, вообще произвожу благоприятное впечатление.

ЕЗЖУ (неудобно же сказать хожу) по частным квартирам в качестве именитого гостя: читаю стихи, рассказываю, держу себя просто, без фасона и никогда никого не обижаю.

Советую переиздать мои след. книги

1) **Стенька Разин** (пьеса). 2) **Стенька Разин** (роман). 3) **Землянка** (роман). 4) **Девушка босиком** (стихи). 5) **Моя биография–великого футуриста**. 6) **Звучаль веснеянки** (стихи). 7) **Книга о Евреинове**.

(Продается мое новое выступление):

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР!

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

будет держать публичный

ЭКЗАМЕН на ГЕНИЯ

1) Биография—исповедь.
2) Почему желаю знать—Гений я или нет?
3) Мои критики, крытики и крутики.
4) Портреты друзей и врагов.
5) Мое настоящее и будущее.
6) Образцы словотворчества из 15 книг моих.
7) Желающие из публики читают стихи Василия Каменского.
8) Автор читает стихи по выбору всей аудитории.
9) Открытое публичное голосование за признание Василия Каменского гением.
10) Слово поэта о результате признания или непризнания.
11) Вопрос (в случае признания) о памятнике Василию Каменскому.
12) Апофеоз.
13) Разъезд.

Вниманию издателей.

Готовы к печати следующие мои новые рукописи:

1) **ПАРОВОЗНАЯ ОБЕДНЯ.** Пьеса в 4 служениях, со стихами.
2) **ЗДЕСЬ СЛАВЯТ РАЗУМ.** Пьеса в 4 актах, со стихами.
3) **ЛЕСТНИЦА НА НЕБО.** Пьеса-сказка в 4 переменах.
4) **КАРЬЕРА СУКИНА СЫНА.** Роман, проза. (Фабула: гениальный самородок гармонист Никита — символ русского духа,—вступает в борьбу с интеллигентным представителем сукинсынского мещанства).
5) **НОВЕЛЛЫ.** Тропическая книга: Атуйя, Гаяро, Знойная Хатсу, Зима и май, Хоулн-стэй и др.
6) **НА ОКЕАНСКОМ БЕРЕГУ СТИХОВ.**
7) **СОН ВЕЛИКОГО ЛОДЫРЯ.** Феерия в 4 этажах.
8) **НАУЧНАЯ ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ ПОЭТОВ ПИСТОЛЕТОВ.** В стихах.
9) **СТАВКА НА БЕССМЕРТИЕ.** (Продан. изд. „ВРЕМЯ").

Редактор-издатель *Василий Каменский.* Завед. редакцией *С. Фрид.*

Номер журнала верстали: Прохоров, Назаров, Михайлов.

Р. В. Ц. № 538. Москва. 5-я типо-литография М. С. Н. Х. Мыльников, 14. Тираж 3.000 экз.

МУЗЕЙ—КОМНАТА

87-81
Тимон

МУЗЕЙ—КОМНАТА
14.84

5-я Типо-Литография М.С.Х.(быв.Русское Т-во)